

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.161.1'282.2'373 (571.1)

О. Г. Щитова

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ XVII ВЕКА

Рассматривается проблема изучения когнитивного потенциала иноязычных неологизмов в русском языке на материале сибирских деловых документов XVII в. Выявляются направления реализации когнитивного потенциала сибирских заимствований, демонстрирующие особенности национальной и региональной картин мира.

Ключевые слова: историческая лексикология, диалектология, заимствование, иноязычная лексика, среднеобские говоры, деловая письменность XVII в., когнитивный потенциал.

Иноязычное слово, заимствуемое в новую языковую систему, становится элементом языка-реципиента и отвечает когнитивным (гносеологическим) потребностям его носителей. С ономаσιологической точки зрения важным является вопрос о том, какие языковые единицы используются для обозначения новых предметов или явлений, какие изменения претерпевают иностранные слова, осуществляющие когнитивную функцию в принимающем языке, как трансформируется их семантика в ином культурном контексте. Согласно концепции значения, разработанной в когнитивной семантике, значение есть ментальный феномен, организованный вокруг когнитивного образа фрагмента действительности, отражаемого языковой единицей (Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Е. В. Рахилина, Л. Талми и др.) [1, с. 5].

Под сибирскими заимствованиями в томских деловых документах XVII в. мы понимаем языковые единицы иноязычного происхождения, вошедшие в русский язык и его сибирские говоры в сибирский период их истории, то есть с началом активного освоения русскими сибирских земель в конце XVI–XVII вв. [2, с. 169; 3, с. 21–22].

Когнитивный потенциал сибирских заимствований в томских деловых документах XVII в. обусловлен тем, что они фиксируют новые знания о социальной жизни носителей русского языка, впервые осваивавших сибирское пространство.

Сопоставление минимальной когнитивной структуры – лексического значения заимствованного слова и его иноязычного прототипа – позволяет выявить национальные и региональные особенности языковой картины мира, отраженные в текстах русских деловых документов XVII в., написанных на территории Сибири [4].

Тождество денотативной семантики новозаимствования и его иноязычного прототипа свойст-

венно преимущественному большинству зафиксированных в сибирских деловых документах иноязычных неологизмов XVII в. В их числе с точки зрения происхождения выделяются две группы лексики: 1) заимствования из западноевропейских языков, привнесенные в русскую разговорную речь Среднего Приобья из материнских говоров (дюжина, карабин, мушкет, пара, пистолет, пистоль, полковник, польской, поляк, протазан, табак, тонпас «топаз», трип, финифт, шнурок, ярмарка) и 2) неологизмы, транспонированные из алтайских, уральских и др. языков, распространенных на территории Сибири и по пути следования в нее переселенцев из европейской части Московского государства (*алман, барсук, ирбис (ирбиз), каир, кандык, кета, курлук, кумач, кумка «нерпа», муксун, нашатырь, одекуй, пальма, сарана, тиски, тогуш, чукрей, шаман, яшма*). К последним примыкает значительное количество этнонимов: *алтырцы, багасары (богасары), братья, гиляки, долгирцы, калмак, киргиз, кучегуты, маты (матцы), макагирцы, маймаканцы, маукиры, мучикиры, мугал, натканы, орчаки (арчаки), саяны (саянцы), тунгус (тонгус), чавуралы, чаты (чатцы), чолкогирцы, чулюгильцы, шамагири, шляки, шолганы*, а также названия представителей местных народов сибирского края: *кан «хан», катун(я) «титул женщины в феодальной Монголии», киштым «данник, вассал», контайша «монгольский титул», кутукта «верховное духовное лицо у мусульман», лаба «буддийский монах в Тибете», ланза «титул в феодальной Монголии», табун «монгольский титул», мурза «глава татарской волости», тайша (тайчи) «титул у некоторых местных народов Сибири»* и др.

Конкретизация и специализация семантики иноязычных единиц в среднеобском региолекте по сравнению со значением их прототипов в язы-

ке-источнике являются отражением когниции носителей принимающего языка и особенностей регионального существования первоначальников сибирского края.

Такие особенности репрезентированы словами, обозначающими представителей местного населения Сибири, бытовыми наименованиями, военной лексикой.

Например, название религиозного деятеля у некоторых местных народов Сибири *бакша* (*бакши*) восходит к калмыцкому *bakšǝ* «учитель, наставник». «Объявляю... послов своих Ломоика бакшу и Начина...» Томск, 1636–1637 гг. [5, с. 8]. Семантика русского *бакша* (*бакши*) в процессе перехода из калмыцкого в русский язык была обогащена оттенками, фиксирующими новое знание о реальной действительности: заимствование стало обозначать не любого наставника, а именно: 1) религиозного деятеля; 2) из числа автохтонного населения. Релевантность данного знания подтверждается тем, что спустя века лексема сохранила приобретенную в XVII в. информацию. Данный денотативный компонент лексического значения, закрепившийся в XVII в. за иноязычным неологизмом, зафиксирован у В. И. Даля: БАКША «род настоятеля, старшины в сожитии калмыцких гелюнгов, жрецов» [6, т. 1, с. 40]; он не был вытеснен в XIX в. официальной религией и идеологией, светской философией. Реакцией на идеологическую борьбу является отрицательная коннотация, присущая заимствованию в это время: *бакша* «киргизский шаман, *фигляр* и гадатель, колдун и лекарь; гадает большей частью по трещинам сожженных бараньих костей» [там же] (ср. *фигляр* «плут, ловкий обманщик; притворный двуличный человек» [6, т. 4, с. 534]). В XX–XXI вв. данная лексема не утратила анализируемые особенности семантики; синтагматика заимствования свидетельствует о продолжающемся религиозном сосуществовании калмыцкого и русского народов: «Антирелигиозная политика... выразилась в... снятии с поста главы калмыцких буддистов **Бакши** Чимида Балданова и к 1937 г. достигла своего пика – уничтожение хурулов, уничтожение ритуальных принадлежностей, текстов и статуй» [7]. В данном контексте слово *Бакши* является не антропонимом, а обозначением религиозного титула. Для сравнения можно привести данные современного Форума Республики Калмыкии: «Гонения и репрессии в отношении калмыцких **Бакши**», 2010 г. [8]. «Еще один замечательный факт по поводу этих волшебников, или **бакши**, как их называют» [9]. Таким образом, когнитивный потенциал иноязычного неологизма XVII в. актуален в русском языке вплоть до его современного состояния.

Название распространенного тюркского титула *тархан* «владелец вотчины, освобожденный от всех податей» [10, с. 281] конкретизирует семантику своего этимона – чаг. *taɣɯn* «привилегированное сословие». «Чуваша, черемиса, и мордва, и тарханы, и можары и вся земля казанская...» [11, с. 641].

Заимствование *ясырь* «пленник, невольник из числа сибирского аборигенного населения» имеет более конкретное значение по сравнению со своими тюркскими этимонами, ср. тур., кр.-тат. *jäsir* «военнопленный, раб» [12, с. 731]. «Климку ясырю семь рублей восемь алтын две денги дано...» Томск, 1630 г. [13, л. 7 об.]. Семантическая ассимиляция тюркизма *ясырь*, заимствованного в XVII в. и имеющего статус общерусской лексемы, протекает по-разному в материнских говорах на европейской территории Московской Руси и в сибирских говорах XVII в. Функционируя на территории сибирского фронта XVII в., вдали от территории метрополии Московского государства, иноязычное слово турецко-татарского происхождения *ясырь* приобрело семантические особенности, проявляющиеся на уровне лексической сочетаемости. По данным Картотеки Древнерусского словаря и Словаря русского языка XI–XVII вв. [14], в говорах европейской территории Руси XVII в. заимствование *ясырь* обозначает пленника любой национальности: русской, польской, немецкой и другой западной, а не только тюркской или монгольской: «А другая де половина казаковъ и царевичи были подъ Шипициною слободою и русского ясырю побрали», «русский ясырь», «немецкий или литовский ясырь», «ясырь татарский», «и чтобы донские казаки калмыцкой взятой ясырь ... отдали» и т. д. [14].

Специфика результата семантической ассимиляции иноязычного слова в сибирских говорах состоит в том, что семантика слова *ясырь* становится более конкретной, чем в материнских говорах, – «выполняющий различные работы пленник из числа сибирского неславянского населения: татар, калмыков, монголов, эвенков, тунгусов»: «калмыцкой ясырь» [15, т. 2, с. 237]; «трухменской, калмацкой ясырь», «якутцкой ясырь» и др. [14].

Специализация семантики общерусского (привнесенного в среднеобские говоры из севернорусских) заимствования *чарки* «кожаная обувь без голенищ и каблуков кустарного изготовления» в сравнении со словами в тюркских языках-источниках (ср. кр.-тат. *čaɣuq* «грубая обувь крестьян») касается внешнего вида и способа изготовления башмаков. «Котовъ и чарковъ дубленыхъ большихъ и малыхъ на два рубли...» Томск, 1649 г. [16, стб. 251, л. 43].

Конкретизация лексического значения западно-европейского заимствования *стамед* «шерстяная косонитная ткань» связана с особенностью рисунка

материи, ср. нем. Stamet или голл. stamet, или ит. stametto «шерстяная ткань». «Товары сукна кармазины и полукармазины и аглинские и одинцовые и кострожи и анбурские и летчины и яренки и стамеды и дараги и кумачи... велено послать в Сибирь в Томской...» 1638 г. [там же, стб. 1703, л. 205].

Важнейшей особенностью социальной жизни жителей Томского острога являлось основное их предназначение, социальный заказ, роль, возложенная московским государством, – защита новых сибирских границ Руси. Возведение Томского острога в XVII в. соответствовало программе освоения Сибири, осуществлявшейся московским правительством. Русские поселенцы оказались во враждебном окружении и были вынуждены защищать свои рубежи от набегов местного (тюркоязычного) населения. В то же время очевидно стремление вновь прибывших в Сибирь подданных московского престола наладить добрососедские отношения с аборигенным населением и использовать в своих интересах их военные навыки и достижения. Активно демонстрируют свой когнитивный потенциал военные неологизмы XVII в., имеющие западноевропейское происхождение, ассимиляция которых часто сопровождается семантическими преобразованиями иноязычных прототипов, связанными с обогащением семантики последних дополнительными компонентами. Ср., например, рус. *рейтар* «рядовой в конных войсках» – польск. *gajtar* «всадник»; рус. *рота* «подразделение полка» – ср.-в.-н. *rotte* «подразделение»; рус. *фурма* «литейная форма для изготовления ядер» – нем. *Form* «форма» (подчеркнуты появившиеся на почве русского языка семантические компоненты, отсутствующие в семантике иноязычных прототипов). «Отец его и сродники служили по Коломнѣ въ дѣтяхъ боярскихъ, а он служилъ въ рейтарахъ и въ 184 году сосланъ въ Томской». Томск, 1662–1680 гг. [17, с. 43]; «Да 207 году присланы с Москвы 10 стволов затинных на особом станке и на колесах да к тем же стволам фурма о пяти дулях, пыжевик, трещотка...» Томск, 1699 г. [10, с. 299].

Конкретизация, уточнение семантики в процессе ассимиляции иностранного слова в языке-реципиенте зависят от различных факторов, и в первую очередь от экстралингвистических, диктующих необходимость в именовании определенных предметов и явлений, приспособленных к конкретной неязыковой ситуации. Так, у заимствованного из тюркских языков Поволжья слова *бечева* «прочная веревка для тяги судов против течения», ассимилируясь в русском языке, произошло уточнение значения по сравнению с иноязычными прототипами (тюрк. кыпч. *беҫей «веревка») в связи с практикой вождения судов бечевой против течения [18]. Специализация семантики заимствований сибирского

периода вхождения в русские говоры происходит под воздействием тенденции к терминологизации лексической системы в период формирования русского национального языка.

Активизация когнитивного потенциала сибирских заимствований, приводящая к закреплению за иноязычными единицами денотативной информации регионального характера, может быть связана и с расширением объема понятия, увеличением экстенционала заимствования, происходящим в процессе его семантической ассимиляции в говорах Среднего Приобья.

Так, германизм *коч* восходит к ср.-в.-н. *koche* «палубное парусное судно», ср.: «*breitgebantes schiff mit rundlichem vorder- und hinterteil im gegensatz zu dem länglichen galeeren*» (= «широкое судно с закругленной передней и задней частью в противоположность удлиненной галере (гребному судну)». – О. Ш.) [19, с. 112]. Одно из ранних употреблений данного заимствования в русской письменности зафиксировано в портфелях Миллера (1601) в значении «мореходное палубное парусное судно» [20, т. 7, с. 387]. В Сибирь слово *коч* было перенесено из Архангельска: по данным Русско-английского словаря-дневника Ричарда Джемса (1618–1619), ст.-рус. *koche* – «небольшой корабль, на котором... ходят из Архангельска в Мангазею через многие озера и реки, причем местами... волокут его по земле» [21, с. 146]. По мере распространения употребления слова из Архангельска в Сибирь оно стало обозначать не только мореходное, но и речное судно, движимое не только парусом, но и веслами: в Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. для заимствования *коч* дается дефиниция «большая беспалубная парусно-весельная лодка длиной 14–15 м, грузоподъемностью 11–12 человек» [10, с. 104]. Таким образом, семантические преобразования заимствования в процессе его ассимиляции в сибирских говорах отражают региональную специфику существования (жизни и деятельности) населения Сибири, и в том числе Среднего Приобья.

В редких случаях изменение семантики иноязычного неологизма в процессе перехода из одной языковой системы в другую связано с осложнением структуры его лексического значения. Например, рефлексом моносеманта (ненецкого диалектного одяко «ягода, бисерина») является полисемант одекуй, имеющий в структуре своего лексического значения два лексико-семантических варианта: 1) «отдельная бусина, бисер»; 2) «стеклянные или фарфоровые бусы» [12, с. 41–418]. «3 фунта камня одекуев – 30 алтын...»; «две тысячи камня одекую...», Томск, 1624 г. [22, л. 19, 78]; «сто гребней роговых... фунт одекую... полпуда укладу... дюжина зеркал», Томск, 1652 г. [16, кн. 305, л. 2].

Итак, в результате сравнительного анализа лексического значения сибирских заимствований и их иноязычных прототипов намечаются следующие направления реализации когнитивного потенциала сибирских заимствований, демонстрирующие особенности национальной и региональной картин мира, связанные чаще всего с конкретизацией денотативного значения и выражающие:

- атрибутивную семантику: *бакша* «религиозный наставник», *ясырь* «пленник сибирский неславянский», *чарки* «кожаные, без голенищ и каблуков башмаки», *бечева* «прочная веревка», *рейтар* «рядовой, военный всадник», *рота* «пол-

ковое подразделение», *фурма* «литейная форма» и др.;

- объектную семантику: *бакша* «наставник некоторых местных народов Сибири», *тархан* «сословие, имеющее привилегии, направленные на освобождение от податей»;

- указывающие на целевое назначение: *фурма* «форма для изготовления ядер», *бечева* «веревка для тяги судов против течения»;

- обозначающие способ изготовления: *чарки* «башмаки кустарного изготовления», *стамед* «ткань с использованием косонитного плетения», *фурма* «форма для изготовления ядер способом литья» и др.

Список литературы

1. Горбунова Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры единиц атрибутивно-локативной языковой модели: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 48 с.
2. Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII в.: монография. Томск, 2008. 480 с.
3. Щитова О. Г. Комплексный анализ неисконной лексики в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Томск, 2008. 43 с.
4. Щитова О. Г. Закономерности семантической ассимиляции неисконной лексики среднеобских говоров (на мат-ле томских деловых документов XVII в.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2007. Вып. 2 (65). С. 45–52.
5. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991. 181 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 1–4.
7. Шейн О. В. Неизвестный фронт Великой Отечественной. Кровавая баня в калмыцких степях. М.: Яуза: Эксмо, 2009 // Калмыки – Википедия. История [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 25.06.2011).
8. Форум. Республика Калмыкия [Электронный ресурс]. URL: forum.kalmykia.ru/index.php... (дата обращения: 25.06.2011).
9. Гордеев А. История принятия буддизма калмыками [Электронный ресурс]. URL: nutug.ru/kultura/nachalo.htm (дата обращения: 25.06.2011).
10. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002. 336 с.
11. Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотское побережье в XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М., 1958. Т. 90, вып. 5. С. 438–452.
12. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. 768 с.
13. Расходная книга г. Томска 1630–1631 гг.: Рукопись. Научная библиотека ТГУ, отдел рукописей, витрина 765, л. 1–250 об.
14. Картотека Древнерусского словаря и Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва).
15. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
16. Российский государственный архив древних актов, фонд 214 «Сибирский приказ» (г. Москва); стб. = столбец, Н. = книга, л. = лист.
17. Головачев П. Г. Томск в XVII веке. [Без места], [без года]. С. 24–161.
18. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. 389 с.
19. Lexner M. *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Leipzig, 1959. 29. Auflage. 410 S.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986–2008. Вып. 1–28.
21. Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. 423 с.
22. Таможенная книга г. Томска 1624–1625 гг.: Рукопись. Научная библиотека ТГУ, отдел рукописей, витрина 764, л. 1–80.

Щитова О. Г., доктор филологических наук, профессор.
Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.
E-mail: shchitova@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 18.07.2011.

O. G. Shchitova

**COGNITIVE POTENTIAL OF THE SIBERIAN BORROWINGS
IN THE RUSSIAN MIDDLE-OB DIALECTS OF THE 17TH CENTURY**

The article considers issues of the cognitive potential of the foreign neologisms in the Russian language on the material of Siberian business documents of the 17th century. The author finds out the realization directions of the cognitive potential of Siberian borrowings demonstrating the features of the national and regional worldview.

Key words: *historical lexicology, dialectology, borrowing, foreign vocabulary, Middle-Ob dialects, business written language of the 17th century, cognitive potential.*

Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: shchitova@sibmail.com